

— Ц-ц-ц, чья это маленькая служанка? Живо опусти платочек, дай госпоже как следует на тебя посмотреть, — сказал Сюй Яньцин, протягивая руку, чтобы стянуть платок с лица Ци Чэня.

Ци Чэнь вцепился в платочек изо всех сил, не желая показываться. Но, увидев, как молодой господин входит в роль, сам поневоле поддался игре — с явным смущением ослабил хватку и, наконец, показал нарумяненное лицо.

— Пф-ф... — Сюй Яньцин не выдержал и расхохотался. — Прости, я не проходил специальную подготовку — если уж смешно, то сдержаться совсем не могу.

Он и сам не знал, кого Ци Чэнь попросил наложить грим, но тот чудесным образом превратил его и без того утончённое, приятное лицо в нечто совершенно невыносимое для взгляда.

Ци Чэнь метнул гневный взгляд на Му Юя за спиной молодого господина и с досадой воскликнул:

— Всё из-за этого доброго старого Му Юя! Он не только не умеет красить, но и изуродовал меня до неузнаваемости!

Му Юй виновато поник, не смея сказать ни слова.

— Му Юй служит мне с малых лет, — сдерживая улыбку, заметил Сюй Яньцин. — Он ни разу не делал макияж ни одной даме. А ты взял и доверил ему своё лицо... Вот уж поистине великодушные выше небес.

Он тут же велел Му Юю срочно смыть с лица Ци Чэня всю эту несуразную косметику.

Рука Инь Яньцзюня всё это время покоилось на талии молодого господина. Когда тот закончил говорить, он без всякого усилия взял его за руку, и они вместе вошли в карету.

Юньчэн сильно отличался от шумной столицы. Карета неспешно катилась по рынку, а снаружи доносились плавные, певучие голоса на уском наречии. Сюй Яньцин приподнял шторку, чтобы выглянуть наружу.

— Молодой господин, ты уже решил, куда хочешь поехать? — Инь Яньцзюнь легко сжал его пальцы.

Сюй Яньцин обернулся к даосу, и в глазах у него заиграл озорной огонёк:

— И что, я могу поехать куда угодно?

— Сегодня я здесь, чтобы сопровождать молодого господина и развлечь, — мягко ответил Инь Яньцзюнь. — Так что, разумеется, всё по твоему желанию.

— Тогда... можно мне пойти в Башню Юнсян? — спросил Сюй Яньцин. Башня Юнсян была самым крупным развлекательным заведением Юньчэна; сказать, что там полным-полно красавиц — не преувеличение.

Инь Яньцзюнь поднял глаза и посмотрел на молодого господина. В его прозрачном взгляде промелькнула едва уловимая рябь:

— Башня Юнсян...

— Даос не разрешает? — Сюй Яньцин потянул монаха за рукав. Его утончённое, прекрасное

личико выглядело сейчас жалобно до невозможности.

С лёгким вздохом, будто сдавшись, Инь Яньцзюнь негромко произнёс:

— В Башню Юнсян.

Хотя он и сказал, что направляются в Башню Юнсян, на самом деле Сюй Яньцин просто хотел посмотреть, как там. Башня Юнсян была залом развлечений, а не борделем. Устроившись в отдельной комнате, он любовался танцем — на высокой платформе в центре зала исполняли чарующий, пышный танец хусянь.

В зале собралось немало господ и чиновников, а также знатных дам и матрон. Сюй Яньцин держал в руках чашу с ароматным сладким сиропом. Сделав глоток, он поставил чашу обратно и, подперев щеку рукой, с интересом наблюдал за выступлением. Это ощущалось почти как в прошлой жизни, когда он смотрел сценический танец — в его взгляде не было ничего, кроме эстетического наслаждения.

За ширмой в комнате негромко звучали музыканты, играя на гунхоу; мелодия струилась легко и прозрачно, словно из сказочного мира.

Инь Яньцзюнь сидел за столом, осанка ровная, лицо — спокойное и непроницаемое. Сквозь тонкую занавесь куртизанка заметила, как этот человек сделал глоток чая, а затем перевёл взгляд полностью на свою беременную супругу. Куртизанка невольно сбилась с ритма, но, похоже, никто этого не заметил.

Ци Чэнь, насмотревшись на красот Юньчэна, утащил Му Юя в сторону, затеяв тихий разговор, впрочем, больше напоминавший его собственный одинокий монолог. Му Юй, как и его молодой господин, просто спокойно наблюдал за происходящим.

Танец хусянь на сцене постепенно перешёл в зажигательное танцевальное состязание, но Сюй Яньцин всё так же лениво развалился у окна. Инь Яньцзюнь неспешно поднялся и подошёл к нему, легко перебирая его пальцы. Молодой господин, казалось, ничего не замечал.

— Молодой господин, — позвал его Инь Яньцзюнь, когда на сцене танец достиг апогея. Глаза у юноши были полуприкрыты — он выглядел так, будто в любую секунду может заснуть. Даос наклонился ближе и мягко ущипнул его за щеку.

Щека зачесалась. Сонный солёный окунь лениво приоткрыл глаза, и первое, что он увидел, — это лицо монаха, светлое и спокойное, словно в тумане. Решив, что всё это сон, он медленно сел и, почти машинально, потянулся к одежде даоса. Тонкая летняя ткань не стала препятствием — руки юноши проникли прямо в широкий рукав.

Инь Яньцзюнь опустил взгляд. Его длинные ресницы чуть дрогнули. Тёплая ладонь юноши легла на запястье и медленно начала двигаться вверх. Щекотка, начавшаяся в чувствительном месте, растеклась по телу, словно тонкая нить, добравшись до сердца. Он вновь негромко позвал:

— Молодой господин...

Обычно, стоило Инь Яньцзюню так на него посмотреть и окликнуть, солёный окунь тут же отдёргивал руки. Но сегодня всё иначе: он был в женском платье, с причёской замужней дамы. Исполняя роль жены монаха, он даже не подумал остановиться, напротив — осмелел и начал слегка почесывать его гладкую, тёплую кожу.

Инь Яньцзюнь едва заметно вздрогнул. Его взгляд стал глубже, в нём промелькнула бездонная тень. Лицо у юноши было чистым и невинным, а в ясных глазах светилась проказливая юность. Даос поднял руку, прикрыл пальцами глаза молодого господина и, глядя сверху вниз, мягко, но с хрипотцой в голосе произнёс:

— Молодой господин, не шалите.

Голос Даоса Сюаньчэня прозвучал у самого уха. Сюй Яньцин вздрогнул и поднял взгляд. В этот миг ему показалось, что он тонет в безбрежной нежности монаха. Где-то глубоко внутри у него дрогнуло сердце.

Словно обжёгшись, Сюй Яньцин поспешно выдернул свою «шалую» руку из рукава и, смущённый, перевёл взгляд на танцовщиц внизу. В душе он только сильнее себя возненавидел — ну и мерзавец же ты, Сюй Яньцин! Флиртуешь, а толку ноль...

Щекотка на коже всё ещё не проходила. Инь Яньцзюнь, глядя на слегка покрасневшую шею молодого господина, вздохнул с лёгкой, но тёплой обречённостью. Похоже, он и сам всё меньше мог с ним совладать.

Музыка и танец в зале прекратились, все сели за столы. Куртизанка за ширмой, отложив гунхоу, изящно встала, взяла чайник и стала разливать чай. На её лице была тонкая вуаль, скрывавшая черты и придававшая образу загадочный шарм — как у музыканта, что прячется за своей пипой.

Сюй Яньцин, только что совершив шалость, чувствовал себя немного неловко, поэтому уставился на лицо куртизанки под вуалью.

— Господин, прошу, чаю, — куртизанка обошла комнату и встала у Инь Яньцзюня. Лёгким наклоном вперёд она открыла часть своей белоснежной шеи, подавая чашу.

Сегодня Инь Яньцзюнь был не в даосском одеянии, а в светлой учёной одежде. Она придавала ему меньше отстранённости, зато подчёркивала его благородство и утончённость. Когда куртизанка подносила чай, в её взгляде сквозила едва завуалированная прелесть и явный интерес — особенно к Иню Яньцзюню. Стоявшая за ними «маленькая служанка Ци» не удержалась и тихонько толкнула Молодого господина Сюя, который неотрывно смотрел на куртизанку.

— Что, пить захотел? — пробормотал Сюй Яньцин, словно очнувшись. Он притянул «маленькую служанку Ци» к себе и усадил рядом, пододвинув чашку чая, к которой даже не притронулся. В глазах Ци Чэня отразилось полное разочарование: он всеми силами намекал молодому господину на коварную куртизанку, что явно положила глаз на даоса Сюаньчэня, надеясь, что хоть кто-нибудь в этой комнате проявит бдительность.

Рука куртизанки, нежная и белая, по-прежнему держала чашку. Пусть мужчина перед ней не взял её, но в глазах женщины по-прежнему мерцала тёплая нежность — будто между ними есть нечто большее, нечто из прошлого.

Лицо Иня Яньцзюня стало чуть холоднее. Вен Цзин, служивший у него за спиной, уже собирался принять чашку из рук куртизанки, но кто-то оказался быстрее.

— Молодая госпожа, вы так на моего мужа смотрите... Вы, случайно, не знакомы с ним раньше? — Сюй Яньцин лениво крутил чашку в пухлых пальцах, глядя на куртизанку.

Инь Яньцзюнь тут же протянул руку, забрал чашку и поставил на стол — вдруг молодому господину взбредёт в голову выпить этот, судя по цвету, довольно крепкий чай. Освободившись от чашки, Сюй Яньцин снова без всякого стеснения потянулся к широкому рукаву даоса и принялся тереть ткань между пальцами. Никакого подтекста в этом не было — просто солёный окунь заскучал, вот и зачесались лапки.

В глазах куртизанки промелькнул отблеск непроницаемого света. Она улыбнулась:

— Госпожа шутит. Эта служанка с рождения живёт в Юньчэне, с таким господином никогда не встречалась...

Сюй Яньцин приподнял бровь:

— То есть вы либо влюбились в моего мужа с первого взгляда, либо вам просто понравилась его внешность?

— Ах, госпожа всё говорит и говорит — всё интереснее и интереснее, — в комнату как раз принесли закуски. Куртизанка приняла поднос, элегантно подошла к Сюй Яньцину и мягко поставила лакомства на стол: — У нас в заведении отличные угощения. Госпожа может попробовать.

Разумеется, обжора-окунь не мог устоять. Он немедленно выпустил слегка помятый рукав даоса, выбрал снежно-белую закуску в форме лотоса и откусил кусочек.

Глаза куртизанки изогнулись в улыбке:

— Ну как, госпожа, вкусно?

— Ммм, очень вкусно, — солёный окунь еле слышно промычал, закивал, выражая своё восхищение.

— В этих угощениях нет ничего вредного для будущего малыша. Если госпоже понравилось — кушайте на здоровье, — с этими словами куртизанка сама взяла ещё одну закуску, на этот раз в форме пиона, и подала Сюй Яньцину.

«Правильную и добродетельную» «служанку Ци» чуть не вытолкнули прочь. Он злобно посмотрел на Молодого господина, который, по его мнению, уже напрочь забыл, зачем они вообще пришли — будто куртизанка уже окончательно его околдовала.

Ци Чэнь хотел было повернуться к Му Юю, чтобы пожаловаться, но увидел, что тот, как и его господин, сидит и спокойно ест.

Ци Чэнь тяжело вздохнул:

— Бездёжно. И господин, и слуга — два бестолковых простака.

После этого компания пообедала в Башне Юнсян. За короткое время Сюй Яньцин успел узнать у куртизанки её имя и теперь с довольной улыбкой называл её «Сестричка Чжиэр».

Взгляд Сун Чжиэр, чуть лукавый и туманный, время от времени задерживался на Ине Яньцзюне. Изначально гости вообще не были закреплены за ней, но Чжиэр не переставала сновать возле четы.

Перед самым уходом она вручила Сюй Яньцину свиток и с кривой усмешкой сказала:

— У вашего супруга такое лицо — прямо магнит для флирта. А вы, госпожа, в особом положении, не зевайте. А то с вашей-то простодушностью ещё и деньги отдадите, когда вас продавать начнут.

Сюй Яньцин хлопнул своими круглыми глазами и слегка улыбнулся:

— Знаю, что Сестричка Чжиэр говорит от всей души. Спасибо, что с первого дня так хорошо ко мне относитесь.

— Просто ты мне приглянулась, — мягко ответила Чжиэр, глядя на слегка детское личико молодой «госпожи». Она моргнула, проводила гостей до дверей Башни Юнсян, а потом неспешно вернулась внутрь.

— Сестра Чжиэр, а почему вы так добры к этой молодой госпоже? — служанка, стоявшая за ней, не скрывала удивления. Ещё никогда гордая Сестра Чжиэр не была так мила с кем-либо.

— Редко встретишь кого-то, кто так радуется глаз. В её взгляде — светлая чистота... прямо как...  
— Сун Чжиэр вздохнула, не договорив, и, изящно покачивая бёдрами, зашагала вверх по лестнице.

В карете Ци Чэнь буквально горел от любопытства. Он уселся рядом с Сюй Яньцином и тут же начал тормошить его:

— Молодой господин, а что эта куртизанка вам сказала?

Но сытому и сонному солённому окуню отвечать не хотелось. Он сонно приоткрыл глаза, лениво взглянул на Ци Чэня:

— Хочешь знать — переоденься в мужское и иди сам у неё спроси в Башне Юнсян.

— Ой, ну скажите же! — Ци Чэнь сгорая от любопытства, украдкой глянул на даоса Сюаньчэня, сидевшего прямо, словно сосна: черты лица — чёткие и ясные, взгляд — спокойный. Мудро решив не мешать, Ци Чэнь вскочил и перебрался за занавеску, снаружи кареты.

Унылый солёный окунь тем временем подвинулся ближе к даосу. В глазах его плясала искорка озорства:

— Госпожа Чжиэр так красива, как цветок в расцвете. И на кунхоу играет — просто диво! Мастер даос, вас это... ну хоть чуть-чуть тронуло?

В уголках глаз у молодого господина всё ещё таилась дрема, но сидеть спокойно он не мог, один за другим задавая вопросы. Инь Яньцзюнь спокойно протянул руку и мягко провёл пальцами по его лбу:

— Молодой господин, вы что имеете в виду, спрашивая это?

Сердце Сюй Яньцина вздрогнуло. Он поднял глаза — и будто увидел в холодных, чистых глазах даоса отражение самого себя. Это странное, неясное волнение снова пронеслось по телу.

Солёный окунь больше не хотел ничего спрашивать. Солёный окунь вдруг решил, что, возможно, беременность мужчин всё-таки сопровождается побочными эффектами... например, сердцебиением?

Окунь-страус объявил, что идёт спать. Вдруг сон развеет это необъяснимое чувство. Он прижался к даосу, натянул его широкий рукав себе на лицо и заснул.

Инь Яньцзюнь не собирался ни о чём спрашивать. Он всегда был бесконечно терпелив. Теперь, когда они связаны этой беременностью, их встреча уже изначально не была обычной.

Он и так чувствовал, что виноват перед молодым господином, — так что даже если варить лягушку нужно в тёплой воде, торопиться не стоит.

Даос молча держал его за руку, а в глазах его отражалась бездонная, непроницаемая тень.

Карета покачнулась и остановилась у ворот поместья Е.

Инь Яньцзюнь опустил глаза на молодого господина, что лежал у него на коленях и притворялся спящим. На губах даоса появилась мягкая, почти потаённая улыбка:

— Приехали. Если госпожа проснулась — пора вставать. А если нет... ну что ж, я вас на руках отнесу в дом.

Инь Яньцзюнь с тем же легким подтруниванием, что прежде слышал от самого Сюй Яньцина, назвал его «госпожой». И только когда окунь-страус нехотя поднялся с его колен, даос протянул руку и бережно пригладил на его лице следы от складок одежды.

Снаружи слуги уже поставили подножку. Инь Яньцзюнь помог всё ещё одетому по-женски молодому господину выйти из кареты. Пока слуги пытались разглядеть его лицо, даос уже повёл его вглубь поместья Е.

Целый день прогулок измотал солёного окуня до предела. Он рухнул на кровать, а вместе с ним из-под одежды выскользнул и свиток, подаренный Сун Чжиэр. Пошарив рукой, он наугад раскрыл первую страницу... и тут же захлопнул её.

На бледных щеках выступил яркий румянец. Сюй Яньцин наконец вспомнил, что говорила Сун Чжиэр на прощание:

«Госпожа, сейчас очень важное время — следите за ним внимательно!»

Вот это — внимательно следить?

Лицо солёного окуня застыло в шоке, в глазах читалось полнейшее неверие.

Эта картинка — куда «острее» всего, что он раньше читал. Щёки молодого господина запылали, глаза заблестели с ноткой обиды. Помедлив, он всё же снова открыл свиток.

Рот приоткрылся в немом удивлении.

Оказывается, в древности тоже знали, как веселиться. Даже в самые, казалось бы, неподходящие моменты... такие способы завоевать супруга!

Вспомнив слова Сун Чжиэр, солёный окунь не удержался и представил себя на месте героини, а на месте её мужа — холодного, незапятнанного даоса Сюаньчэня. От этого представления его пробрало чувство кощунства и смутного, непонятного волнения.

Он прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу, будто пытался силой утихомирить нарастающее чувство. Всё ещё краснея, Сюй Яньцин сунул свиток под подушку... но тут же

передумал — ненадёжно.

Босиком ступив на пол, он нашёл свой маленький личный узелок и поспешно запихнул туда чересчур пикантный свиток.

Выкинуть — невозможно. Никак. Это... познавательно.

Солёный окунь вернулся в постель. Маленькая фасолинка в его животе дважды пихнула его изнутри. Солёный окунь тут же очнулся и протянул руку к животу.

Фасолинка шевельнулась в ответ. Отец не церемонился — погладил её в ответ дважды. Вот так они вдвоём и поиграли — большой и маленький.

Осеннее небо оказалось даже капризнее летнего. Утром светило солнце, а к обеду с неба потянуло лёгким дождём...

В поместье Е росло множество зелёных бамбуков. Дождевые капли, ударяясь о листву, создавали особое, живое настроение. После сна молодого господина даос Сюаньчэнь усадил его у окна играть в шахматы.

Раз уж он был в своей комнате, унылый солёный окунь совсем не смущался того, что его одежда немного растрёпана. Он держал шахматную фигурку в руке, и, как только даос сделал ход, поспешно положил свою — туда, куда давно присмотрел.

Инь Яньцзюнь поднял глаза на увлечённого молодого господина, на губах его играла едва заметная улыбка:

— Молодой господин, вы точно хотите поставить её сюда?

Как и ожидалось, стоило ему это сказать, как пухлое лицо молодого господина тут же поморщилось. Он снова впал в муки выбора. Без капли стыда фигурку забрал обратно. На поговорку «ход сделан — не воротишь» ему было наплевать. Через миг он уже ткнул её в другое место.

Даос Сюаньчэнь, всё так же невозмутимо изящный, поставил свою. Молодой господин с новой энергией бросился в бой, а за ним — новая волна поспешных решений и не менее поспешных сожалений...

Очередная партия была проиграна. Солёный окунь с ленцой развалился у окна, глядя в сад, на зелень бамбука.

— Господин Е, надо признать, весьма утончённая личность, — сказал он, прищурившись. Инь Яньцзюнь уже подумал, что тот вздумал хвалить Е Циня, но молодой господин резко сменил тон, в глазах заиграли искры:

— Сердцевина бамбука и листья — вещи холодные по природе. Видимо, господин Е боится жара в теле, вот и насадил столько бамбука во дворе.

Инь Яньцзюнь тихо рассмеялся:

— А почему тогда молодой господин посадил столько персиков в Юньшуйском дворце?

Юньшуйский дворец... Кажется, он давно там не был. Сюй Яньцин приподнял бровь — в лице

его заиграла лукавая живость:

— Потому что из персиков можно варить вино и печь пирожки!

Фуд-блогер в душе никогда не сдавался:

— Но и бамбук, если подумать, хорош. С ним и чай можно заварить, и рис в стебле готовить. Слышится вкусно. Вернусь в столицу — велю посадить немного и у себя в Юньшуйском.

Да, в мире молодого господина, помимо валяния на подушках, существовали лишь еда, питьё и веселье. Он всё ещё был тем юным наследником, в ком детская беспечность не изжита до конца.

Инь Яньцзюнь мягко усмехнулся. Протянул руку, ласково потрепал пушистую макушку молодого господина и пробормотал:

— Вернёмся в столицу — боюсь, придётся просить Вэнь Цзина подобрать мне комплект мягких доспехов.

Молодой господин заморгал:

— Зачем? Мастер даос собрался с кем-то сражаться?

Он вдруг понял, что никогда не видел, чтобы даос Сюаньчэнь сражался. Обычно он сидел высоко, недвижим и чист, словно отрешён от мирской суеты, и, казалось, одного его взгляда хватит, чтобы заставить любого дрожать от благоговейного страха. Кто вообще осмелился бы его тронуть?

— Молодой господин, неужели вы забыли про своего отца и брата? — с усмешкой сказал Инь Яньцзюнь.

Он давно слышал, что в доме Маркиза Уан самым любимым был младший сын. Если бы Маркиз, человек грубой силы, узнал, что его нежно лелеемый младший сын теперь носит под сердцем дитя... он, пожалуй, и пожалел бы, что когда-то спас его от меча.

Сюй Яньцин тут же понял, к чему клонит даос. Он небрежно похлопал по животику, а даосу сказал:

— Когда мы вернёмся в столицу, я всё сам отцу с матерью объясню.

Некоторые вещи — чем дольше их скрываешь, тем больше шансов, что всё пойдёт не так. Он и сам уже давно хотел во всём признаться родителям. Подумав об этом, не удержался и поддразнил:

— Мастер даос, не переживайте. Хотя мой отец простоват и груб, вы же у нас всё-таки монарх Даляна. Он точно не осмелится пускать в ход оружие. Разве что кулаки и ноги.

Инь Яньцзюнь не рассердился. На губах его мелькнула улыбка, взгляд стал мягким:

— А если Маркиз Уан действительно поднимет на меня руку, что тогда сделает молодой господин?

— Тьфу-тьфу, такой красавец, как вы... Если батюшка вас и правда побьёт — это будет настоящее кощунство! Как благородный человек я, конечно, встану на вашу защиту, мастер

даос.

Когда речь шла о подколах, унылый солёный окунь никогда не скупился на сладкие речи.

В этот момент настроение у Инь Яньцзюня было на редкость хорошее. В его тёплых глазах улыбка стала глубже:

— Ну что ж, тогда в тот час и положусь всецело на защиту молодого господина.

— Без проблем, без проблем, — отмахнулся Сюй Яньцин, а затем, подперев подбородок, с весёлым прищуром уставился на даоса, который с готовностью подыгрывал его шуткам. Глаза у него были полумесяцем.

После двух дней отдыха в Юньчэне процессия вновь отправилась в путь. Е Цинь ехал один верхом, провожая императора три ли, прежде чем по приказу Инь Яньцзюня остановил лошадь и молча смотрел, как медленно удаляется кортеж.

Он остался сидеть в седле, держа поводья. Через какое-то время он, возможно, тоже попросится в столицу. В конце концов, по его подсчётам, маленький принц в животе молодой «госпожи» должен появиться на свет через три-четыре месяца.

Что уж тут говорить — есть чему радоваться!

<http://bllate.org/book/12638/1120955>